

036

ПОЦЕЛУЙ

ЭМИ ЭНДРЮС

Драгоценная ночь

HARLEQUIN®

kiss™

Поцелуй – Harlequin

Эми Эндрюс

Драгоценная ночь

«Центрполиграф»

2013

Эндрюс Э.

Драгоценная ночь / Э. Эндрюс — «Центрполиграф»,
2013 — (Поцелуй – Harlequin)

Эва Келли, капризная супермодель и мировая знаменитость, привыкшая быть объектом вождления мужчин, не желает смириться с безразличием владельца небольшой фирмы по дизайну интерьеров Блэйка Уокера, который презирает ее, считая избалованной и самовлюбленной светской львицей. Но случается непредвиденное. Блэйк становится свидетелем покушения на Эву, и именно он спасает ее. Маньяк на свободе, и, пока полиция ищет его, девушке надо укрыться. Зная, что Блэйк не выносит ее, Эва предлагает ему сделку – миллион фунтов за то, что она поживет у него дома.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Эми Эндрюс

Драгоценная ночь

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

The Most Expensive Night of Her Life Copyright © 2013 by Amy Andrews
© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Глава 1

Взрыв у обочины дороги на поле боя, три года назад, оставил Блэйку Уокеру обостренное чувство надвигающейся опасности. Сегодня опасность приближалась к нему на паре ног, длина которых не поддавалась точному измерению, а характер их обладательницы обещал здорово испортить его последний рабочий день.

Эва Келли, может, и могла претендовать на звание одной из самых прекрасных женщин в мире, но работать на нее было сущим кошмаром.

– Блэйк!

Ее крик пронесся по всему дому, и Блэйк сделал глубокий вдох. Мысленно он готов был отправиться в то воображаемое счастливое место, которое рекомендовал ему придумать для себя армейский психолог.

«Последний день, мужик, соберись».

– Какие-то проблемы? – начал он, когда Эва остановилась у противоположной стороны длинного деревянного кухонного стола, за которым он в это время заполнял бумаги.

– Можно и так сказать, – ответила она, сложив руки на груди.

Блэйк не поднял глаз, чтобы полюбоваться, как полупрозрачное платье смелого покроя от дорогого дизайнера подчеркивает ее загорелую грудь. И не подумал о ее прекрасном теле под этим платьем.

Блэйк не смотрел на нее совсем.

Жизнь Блэйка сложилась не худшим образом. Сейчас он был здоров и в прекрасной физической форме после долгого периода, когда ни того ни другого о нем сказать было нельзя. Финансово независим. Он знал свое место в жизни и не отступал от дороги, которую избрал.

Он мог при необходимости позвонить одной из полудюжины знакомых женщин, чтобы провести с ней время. А потому не нуждался в том, чтобы связываться с этой дамочкой, живым воплощением неприятностей, которыми был сыт по горло.

Он думал об отпуске. Выдержать всего один день – и месяц без толпы папарацци каждое утро, без работы по двенадцать часов в сутки. А что важнее всего, никаких див.

– Я чем-то могу быть полезен? – спросил он.

– Да, – ответила она, подняв подбородок, чтобы придать взгляду надменности; к этому он уже привык за последние несколько месяцев. – Попросите своего соплевого ученика... – через плечо она указала на парня, стоявшего за стеклом веранды, – чтобы не пялился, куда не надо, и думал о работе. Мои подруги здесь не для того, чтобы на них таращились. Они приходят в мой дом, чтобы укрыться от чьего бы то ни было внимания.

Блэйк оглянулся на трех женщин, резвящихся в прозрачном крытом бассейне, расположенном посередине внутреннего двора. Все они были высокими, загорелыми и неотразимыми. И они подруги Эвы – значит, наверняка тоже модели. В целом, лишь двенадцать треугольников ткани отделяли этих девушек от полной наготы.

Он посмотрел на Даги, который устанавливал некие особые флюоресцентные лампы на внешней стороне окон и стальной лестнице, ведущей на площадку для шезлонгов. Эва была права: парень разве что не облизывался на красоток. Не то чтобы Блэйк обвинял его – это мечта любого мальчишки. Парень выглядел ребенком, очутившимся в кондитерской лавке.

Солнечный свет, заливавший внутренний дворик сквозь стеклянную крышу, отражался от белого декора и в очередной раз приковал к себе его взгляд. На миг Блэйк забыл о недовольстве Эвы и мысленно похвалил себя за проделанную работу: снаружи – особняк начала девятнадцатого века с большой верандой, а внутри – модный, современный дом, полный света и роскоши.

– Вы меня поняли? – Требовательный голос Эвы вернул его к реальности.

– Даги, – спокойно произнес Блэйк, не имея намерения идти у нее на поводу. В это время он увидел россыпь веснушек на прелестно вздернутом носике. – Его имя Даги.

– Ну так, может, вы разъясните Даги правила хорошего тона? Он ведет себя как жадный до секса мальчишка. – В это время платье соскользнуло, обнажив ее правое плечо.

Блэйк вздохнул. Почему ему так нравилось руководить строительными проектами? Нужно предупредить Чарли, чтобы больше никаких див. Их бизнес процветал, и они имели возможность выбирать клиентов.

– Эва, – сдержанно парировал он, – ему девятнадцать. Он и есть жадный до секса мальчишка.

– Пусть будет им в нерабочее время, – вспыхнула она. – А когда работает на меня, пусть делает то, за что ему платят, а не вертит головой.

Блэйк подумал, не стоит ли попросить Эву Келли прекратить свои стервозные жалобы и предоставить воспитание подчиненных ему. Даги был хорошим учеником, добросовестным и трудолюбивым работником. И Блэйк не намеревался создавать проблему там, где, по его мнению, она отсутствовала. Но решил, что стервой мисс Келли вряд ли называли прежде – по крайней мере, в лицо, – и не жаждал становиться первым.

Черт возьми! На самом-то деле ей попросту требовалась хорошая порка, но и этого он делать не собирался. Вечером эта работа будет окончена. Сейчас они вносят завершающие штрихи, и он может потерпеть вредную дамочку еще несколько часов. Блэйк стиснул зубы.

– Я поговорю с ним, – холодно ответил он.

Эва снова одарила его надменным взглядом и фыркнула:

– Будь так добр.

Она повернулась на каблуках и удалилась. Он наблюдал за тем, как развеваются края ее платья, открывая стройные ноги.

Этот день обещал растянуться надолго.

* * *

Пару часов спустя Блэйк ответил на телефонный звонок. Он редко отвечал на звонки, находясь на объекте, но всегда брал трубку, если звонил его брат Чарли. Тот хотя и был моложе, но тянул на себе их дизайнерский бизнес. И именно он вытащил Блэйка из грязной ямы отчаяния, куда тот едва не провалился несколько лет назад. Блэйк был в долгу перед Чарли.

– Что у тебя? – спросил он.

– Джоанна звонила. Очень расстроена. Один из крупнейших спонсоров закрывает счета из-за финансовых трудностей, и она в ужасе. Бойтся, что их программам придет конец.

Их сестра Джоанна овдовела три года назад, когда ее муж, Колин, лейтенант английской армии и близкий друг Блэйка, погиб в результате того же взрыва, что ранил Блэйка. Они служили в одном подразделении. Блэйк был командиром Колина. Он обещал сестре, что присмотрит за ее мужем, что тот вернется домой живым. Сдержать обещание оказалось ему не под силу.

Вскоре после этого Джоанна с тремя другими женщинами организовала благотворительную компанию, призванную поддержать жен, подруг и семьи британских военных. Почти два года они неплохо справлялись. Но заниматься благотворительностью в условиях глобального кризиса нелегко, и потерять главного спонсора – сильный удар.

Блэйк понимал, что именно благотворительность позволила Джоанне снова поставить его на ноги. Благотворительность стала смыслом ее жизни. И Блэйк, как никто другой, понимал, каково ей теперь.

– Учитывая, что бизнес идет в гору, полагаю, мы справимся одни, – ответил он.

– Блэйк!

Мышцы на его шее напряглись. Из трубки доносился голос брата.

– Мы не можем позволить себе вложить миллион фунтов, которого они лишились, – сказал Чарли.

В этот момент в комнату вошла Эва. Она собиралась было открыть рот, но Блэйка так шокировала услышанная сумма, что он поднял указательный палец, жестом давая понять, чтобы она остановилась, прежде чем сообразил, что делает.

– Джоанне нужен миллион фунтов?

Он отстраненно смотрел перед собой, пока Чарли вводил его в курс дела. Эва, судя по ее лицу и позе, не привыкла к тому, чтобы ее заставляли ждать. Но, черт возьми, миллион фунтов?!

– Мне нужно, чтобы ты убрал машину, – сказала Эва, пытаясь отвлечь его от разговора. Ждать она явно не собиралась, а голос Чарли по-прежнему трещал в трубке. – Я жду фотографа из журнала, и твоя развалюха здорово портит вид.

Блэйк в ответ лишь моргнул. Никогда она не вела себя с ним более вольно и грубо, и он был несказанно рад, что сегодня видит ее в последний раз. Да, она была сексуальна, и в параллельной вселенной, где она не была бы элитной супермоделью, а он высокооплачиваемым строителем, возможно, он даже и сделал бы ход конем – прощупал почву.

Но красота, за которой ничего не стоит, оставляла его равнодушным.

Он удивленно приподнял бровь, но ничего не ответил, говоря с Чарли:

– Прости, нужно пойти убрать мою дерьмовую тачку. – При этом он не сводил с нее глаз. – Мы что-нибудь придумаем для Джоанны. Я позвоню тебе вечером после работы.

– Кто такая Джоанна? – спросила Эва, когда Чарли прервал разговор.

Блэйк напрягся. Он вовсе не хотел выкладывать подробности своей частной жизни перед мисс Домашняя Фотосессия. Но ответить ей, чтобы не лезла не в свое дело, также не мог.

– Наша сестра, – ответил он, поджав губы.

– С ней все в порядке?

Блэйк выпрямился от изумления. Не только потому, что она справилась о благополучии другого человека, но и оттого, что услышал в ее голосе нотки искреннего беспокойства.

– Все хорошо, – ответил он. – У ее благотворительного общества возникли трудности, вот и все. Все образуется.

Сказав это, он пошел и переставил машину так, чтобы не портить вида а-ля Хэмпстэд-Вилледж. В тысячный раз папарацци ослепили его вспышками.

* * *

Было почти девять вечера, когда Блэйк и дива сошлись во мнении, что работа его наконец завершена. Вечер выдался тихим и теплым. Оранжевые лучи заходящего солнца нежно ласкали вечернее небо над стеклянным куполом внутреннего двора. Блэйка радовало, что метеорологи прогнозировали такую же погоду на весь сентябрь. Идеальная погода для выходов в море.

Даги и двое других рабочих уже ушли домой; фотограф удалился, и папарацци тоже. Остались только они с Эвой и теперь подписывали бумаги.

Они вновь расположились за кухонным столом – он на одной стороне, она на другой. Эва то и дело подносила к губам бокал белого вина. Она предложила ему пива, но он отказался. Она предложила поесть, но он отказался и от этого. Ни секунды лишнего времени с Эвой он проводить бы не стал.

Теперь же за его спиной на плите готовилось нечто очень вкусное. Благодаря аромату чеснока и базилика, витавшему в воздухе, он понимал, что его желудок пуст, и холодильник дома, кстати, тоже.

Еще он понимал, что рядом Эва. Поверх своего бикини она надела короткие шорты и толстовку с капюшоном и короткими рукавами. Молния была застегнута лишь частично, что позволяло ему видеть ее бюст. Но дело было даже не в ее одежде. В последние три месяца она ходила по дому в самых разных и весьма откровенных нарядах.

Сейчас внимание его привлекало то, как она поглаживала стол. Пока он показывал ей документы, ее ладонь непроизвольно гладила до блеска отполированный клен. Он успел понять: эта девушка знала, чего хочет, и, хотя он ее не любил, ему это нравилось.

Она передала решение вопросов по отделке высокооплачиваемому консультанту, который избрал типичный, минималистский, но жутко дорогой декор дома и сада. Но аксессуары, которые выбрала сама Эва, лишний раз демонстрировали ее любовь к роскоши. Ковры с длинным ворсом, предметы современного искусства, половики ярко-зеленых, красных и розовых оттенков для гостиных, ковры и ткани ручной работы для стен, коллекция декоративных ламп и многослойные, разноцветные тюли, нависающие над ее большой кроватью с шикарным балдахином.

Даже тот факт, что она предпочла деревянную кухню вопреки моде на стекло и металл, говорил о многом. Он полагал, что она предпочтет мрамор и нержавеющей сталь, однако, судя по запаху, Эва любила готовить и проводила на кухне много времени.

Блэйк готовил скверно, но любил дерево. Их семейным бизнесом до недавних пор являлась лесопилка, и самые ранние воспоминания его детства были связаны с ароматом свежей древесины. Их дед, построивший пятьдесят лет назад лесопилку, с ранних лет научил и его, и Чарли пользоваться станком, и Блэйк полюбил этот запах. Он работал на лесопилке в выходные и праздники, пока не стал полноправным сотрудником.

Он лично спроектировал, построил и установил кухню, в которой они сейчас находились, и ему было не по себе, когда он смотрел на ее руку, ласкавшую его творение, как тело любовника.

– Итак, – сказал он, стараясь думать о деле. – Если вся проделанная работа вас устраивает, подпишите здесь и здесь.

Блэйк протянул ей ручку, указывая на места в документе. Затем затаил дыхание. Пусть она знала, чего хочет, но он знал, что Эва Келли требовательна и непредсказуема. Он бы и не подумал подсчитывать прибыль, не получив ее подписи.

* * *

Эва смотрела на загадочного Блэйка Уокера сквозь падающую на глаза челку. Она никогда не встречала мужчины, который хоть немного не восхищался бы ею. Не флиртовал бы с ней или, по крайней мере, не предпринимал бы подобных попыток.

Но только не Блэйк. Он был вежлив и невозмутим, даже когда она вела себя наихудшим образом. А она знала, что наихудшим образом вела себя нередко. Просто чтобы хоть раз увидеть реакцию человека, а не бизнесмена – собранного, спокойного и вежливого.

Она почти добила своего сегодня днем, когда он говорил по телефону, а она потребовала, чтобы он убрал машину. Его поджатые губы и приподнятые брови говорили о многом. Но ему удалось потушить в себе пламя, искорки которого вспыхнули было в его темно-голубых глазах, и ее это жутко разочаровало. Что-то подсказывало ей, что Блэйк Уокер был бы великолепен, приди он в бешенство.

Чарли, более покладистый из двух братьев, говорил, что Блэйк служил в армии, так что, возможно, он просто привык исполнять приказы и держать эмоции в себе.

Эва с неохотой оторвала ладонь от прохладной и гладкой поверхности стола, чтобы взять ручку. Ей нравилось прикасаться к дереву, нравился низкий голос Блэйка и звук бурлящего на

плите соуса для спагетти. Все это умиротворяло. Как прекрасно хоть один раз поднять забрало! Отдаться чувству домашнего уюта, интима.

Может, он чувствовал то же самое или, после нескольких месяцев фантазий о нем, ей просто так казалось? Фантазий, становившихся все более детальными по мере того, как он ее игнорировал.

Например, она фантазировала о сексе с ним на этом великолепном столе. Столе, который при ней он шлифовал своими руками день за днем. Зачищал, лакировал. Снова зачищал, лакировал. Слои за слоями, пока поверхность не стала отражать свет.

Она наблюдала за тем, как он поглощен работой. Как своим касанием признается дереву в любви. С каким наслаждением вдыхает его аромат. Как ласкает его взглядом. В такие моменты она могла бы полностью раздеться перед ним, но сомневалась, что он заметил бы это. А женщине, привыкшей к обожанию, трудно стерпеть, когда ее так игнорируют.

Эва заставила себя отбросить мысли о столе.

– Я на все сто процентов довольна вашей работой, – проговорила она, ставя подписи в указанных местах. – Вы все прекрасно сделали. Я всем друзьям посоветую обращаться к вам.

* * *

Блэйк заморгал. Этого он никак не ожидал. Вежливое, вымученное *спасибо* – вот все, на что он надеялся. Он полагал, что теперь она ждет благодарности, однако от одной мысли, что ему придется иметь дело с другими Эвами Келли, его уже бросало в нервную дрожь.

– Благодарю вас, – выдавил он из себя.

Возвращая бумагу и ручку, она улыбнулась. Ему показалось, искренне, в отличие от того, что он видел днем. На миг он затаил дыхание.

Верхний свет золотил ее волосы. Челка касалась ресниц. Ее глаза были кошачьими, желто-зеленого оттенка. Казалось, в них много секретов.

Да, Эва Келли была невероятно красива. Но он служил своей стране больше десяти лет и рисковал жизнью не ради того, чтобы ходить у кого-то по струнке.

Блэйк собирал бумаги в портфель, чувствуя на себе ее взгляд. Его нога устала, и он мечтал поскорее дать ей покой. Он почти закончил. Она вот-вот исчезнет из его жизни навсегда.

Он взял портфель и обошел стол. Его хромота усилилась из-за долгой нагрузки на бедро. Он остановился перед ней на расстоянии вытянутой руки. Протянув ей руку, он улыбнулся одной из тех улыбок, что она называла отсутствующими.

– Мы пришлем вам счет-фактуру, – сказал он, пожимая ее руку.

Она была с него ростом. Шесть футов. Женщинам редко смотришь прямо в глаза. А эта еще и вызывала беспокойство, ибо смотрела ему в лицо. Смело, с интригой и в то же время загадочно. Это вызывало любопытство. Казалось соблазнительным.

Он отпустил ее руку, все-таки решив не связываться.

– Что ж, я пойду. Меня месяц не будет, так что, если возникнут трудности, звоните Чарли.

Эва подняла бровь:

– Уходите в отпуск?

В ее голосе слышалось удивление. Почему, он не знал. После трех месяцев ее капризов даже святому потребовался бы отпуск.

Блэйк кивнул:

– Да.

Эва вздохнула. Он опять ответил коротко.

– Послушайте, мне стыдно, – решительно сказала она и сделала большой глоток из бокала. Между ними промелькнула невидимая искра, и она вдруг поняла, что он не так безразличен к ней, как она думала. – Я знаю, что вам со мной пришлось нелегко, и знаю, что могу

быть занозой в заднице. Я не могу иначе. Просто люблю командовать. – Она пожала плечами. – Все из-за шоу-бизнеса. От меня требуют, чтобы я была идеальна, получают это, но и я требую того же от других.

Эва умолкла. Она сама не знала, почему ей важно, чтобы он понял: она не какая-то пустышка с обложки журнала. Ей было двадцать семь – прославилась она в четырнадцать, – и ее никогда прежде не волновало, что думали другие.

Может, дело в этом роскошном деревянном столе, который он создал только для нее? В его совершенстве? В том, как он работал над ним? Трудился в поте лица до тех пор, пока дерево не стало идеальным? Возможно, человек, который ценит все идеальное, сможет ее понять?

– Я рано... очень рано научилась никому не доверять. И боюсь, это сказывается на всех аспектах моей жизни. Я знаю, люди думают, что я стерва, и меня это устраивает. Они дважды думают, прежде чем разозлить меня. Но... на самом деле я не такая.

Блэйк был изумлен ее пронизательностью. Эта девушка шла по жизни, остерегаясь других людей. Остерегаясь головорезов, существовавших в ее вселенной. А он-то думал, что опасно на фронте. В армии взаимное доверие – это главное. Ты доверял парням, все держались вместе, или ты умирал.

– Разумеется, – ответил он, не намереваясь испытывать жалости к этой обеспеченной и избалованной женщине. Она решила разыграть с ним карту бедной богатой девочки? Что ж. Он на это не купится. – Не беспокойтесь. За это вы нам и платите.

Эва кивнула, понимая, что искре, промелькнувшей между ними, видимо, не суждено появиться снова. Блэйк Уокер явно был слеплен из более твердого теста, чем она думала вначале. И это вызывало в ней уважение. Мужчина, способный сказать ей «нет», был редкостью.

– Благодарю вас. Приятного вам отпуска.

Блэйк кивнул и повернулся, чтобы уйти. Но именно в этот момент все и случилось. Не успел он поднять ногу, как раздался выстрел. А за ним последовала канонада. Пули врезались в фасад дома Эвы, вдребезги летели стекла из высоких фасадных окон, засыпая осколками все вокруг. На это Блэйк едва обратил внимание. Равно как и на испуганный крик Эвы. Он не думал, а только реагировал. Так, как его учили.

Он прыгнул на нее, свалил на жесткий мраморный пол. Ее бокал разбился, и вино разлилось. Он сильно ударился о пол раненой ногой, и на миг у него перехватило дыхание. Ушиб второй ноги был смягчен ее телом, ибо половиной своего туловища он закрывал ее.

– Не поднимай голову! – кричал он, закрывая ее плечом. Его сердце стучало подобно лопастям вертолета. Он зажмурился, а мир, казалось, взрывался вокруг него.

Кого она так разозлила, черт возьми?

Глава 2

Все вокруг них застыло. Эва держалась за Блэйка, как за спасательный круг. Собственный пульс казался громче Ниагарского водопада. Ей чудилось, будто кровь стала вязкой, а воздух в легких – тяжелым. Стрельба продолжалась, она ощутила вдруг, что не может дышать. Дышать!

Пульс участился, она попыталась сделать вдох. Попыталась оторвать голову от его груди, но он крепко прижимал ее к себе. Ее руки дрожали, цепляясь за его рубашку, а желудок ходил ходуном.

Внезапно все стихло. Визг колес и рев двигателя ненадолго нарушили тишину. Сначала они не двигались. Блэйк первым пришел в себя, быстро ощупал ногу и убедился, что она цела. Затем он приподнялся:

– Вы в порядке?

Моргая, она ошеломленно смотрела на него:

– Что?..

Машинально Блэйк с одного взгляда оценил ее состояние. Небольшая царапина на левой щеке со смазанной, засыхавшей кровью. Но не это привело его в ужас. На ее груди расплывалось темно-красное пятно.

– Господи, вы ранены?! – воскликнул он, садясь на корточки. Он не раздумывал. Просто потянулся к толстовке и расстегнул молнию. Он действовал автоматически, как на фронте. Огонь велся по верхней части здания, пули летели в окна и от ricochetить могли в любое место.

– В вас попали?! – снова спросил он, в то время как она лежала перед ним. Он не видел ни красного бикини, ни тела, по которому сходили с ума мужчины всего мира. Он ощупывал ее грудь, ребра и живот в поисках ранений.

У Эвы путались мысли. Голова разболелась, ныла рука, и она дрожала. А сердце стучало как молот.

– Эва! – рявкнул он.

Она подпрыгнула. Ее шоковое состояние улетучилось.

– Кажется, это рука, – ответила она. Из глубокого пореза в ладони струилась кровь, засыхая на запястье. – Я порезалась о бокал.

На мгновение Блэйк почувствовал облегчение. Она не ранена. Затем осмотрел ее ладонь, одновременно извлекая из кармана мобильный телефон и набирая три девятки.

Оператор спросил его, в услугах какой службы он нуждается. Блэйк попросил вызвать полицию и «скорую».

– Не двигайтесь, – настоял он, взявшись за край стола и неуклюже поднявшись на здоровую ногу. Подтягивая другую, ощутил напряжение в бедре и стиснул зубы. – Я принесу вам салфетку.

Эва не смогла бы сдвинуться с места, даже если бы от этого зависела ее жизнь. Она лежала на полу, смотрела на сочащуюся из раны кровь и пыталась постичь произошедшее. Она слышала голос Блэйка – низкий и спокойный посреди всего этого хаоса. Ей хотелось, чтобы он снова ее обнял.

Он вернулся с салфеткой, взятой с дверцы духовки, выключил телефон. Неподвижными глазами она наблюдала, как он снова опустился на колени и поднял ее руку.

– Полиция уже едет, – сказал он, перевязывая ее кисть. – «Скорая» тоже. – Перетянул он крепко, чтобы остановить кровь. – Можете сесть? Если дойдете до раковины, то я почищу рану прямо сейчас.

– А-а, да... наверное, – ответила Эва, затем приподнялась на локтях, подтянула ноги и села. Голова кружилась. Она чувствовала тошноту и чуть не упала.

– Тихо, – сказал Блэйк, поддерживая ее. Его большая рука почти целиком сомкнулась на ее запястье. – Осторожно.

Эва на миг закрыла глаза, оперлась на его руку. Дурнота отступила.

– Я в порядке, – выдохнула она, потянувшись к затылку. Там прощупывалась солидная шишка. Эва едва коснулась ее и поморщилась.

– Сильно ударились? – поинтересовался Блэйк. – Прошу меня извинить, – сказал он. – Реакция, знаете ли.

Эва оторопела. Блэйк Уокер был великолепен.

– Я рада, что вы это сделали. Я сначала не поняла, что происходит. Эти выстрелы были настоящие?

Блэйк снова оперся на стол, и стоял он на здоровой ноге.

– Да, – мрачно ответил он. Звук до боли ему знакомый, но который он не рассчитывал больше услышать. Уж во всяком случае, не в модном Хэмпстэд-Вилледж. Он протянул ей руку. – Давайте помогу.

Эва не спорила и взяла его за руку. Поднялась на ноги – снова тошнота и голова кругом. Одной рукой она вцепилась в него, другой оперлась о стол. Она была счастлива, что он здесь. Наслаждалась его смелостью и спокойствием. Но вдруг дрожь усилилась. Он крепче обнял ее, и она прижалась к нему, вдыхая мужественный запах – аромат древесины и пряности.

– Прости, – пробормотала она, подавляя в себе абсурдное желание закричать. – Обычно я не впадаю в панику так быстро.

Блэйк закрыл глаза, чувствуя ее тело. Она пахла вином и кокосовым кремом для загара. Ее грудь и бедра льнули к нему. Он слегка повернул голову, и его губы почти коснулись ее виска.

– Полагаю, это был не самый обычный твой день.

Тихий, дрожащий смешок прозвучал у самого его уха, и он прижал ее чуть крепче.

– Можно и так сказать, – призналась она. Ее голос был низким, с легкой хрипотцой.

Так они стояли некоторое время, и Блэйк чувствовал, что сейчас ей нужна эта близость. Он знал, что подобный случай вполне мог вывести из равновесия даже мужчин, закаленных в боях.

Издали донесся звук полицейской сирены, и он сделал шаг назад.

– Кавалерия прибыла, – пробормотал он. Но не спешил отходить от нее, держа под руку. – Не наступи на стекло, – предупредил он, когда осколок хрустнул под его подошвой. На ее ногах не было обуви, а лак на ногтях был того же оттенка, что и ее красное бикини.

Сирены выли теперь уже почти рядом. Громко и четко. Очевидно, во дворе. Он включил кран и убрал салфетку.

– Подставь руку под воду, – сказал он. – Я открою дверь.

* * *

Час спустя дом Евы напоминал центральный полицейский участок. Люди входили и уходили, натыкаясь друг на друга. Полицейские и в форме, и в штатском делали свою работу, собирая улики. Желтая лента тянулась вдоль всей железной ограды ее дома, а цветные огни сверкали в лежащих во дворе осколках, напоминая огромный дискотечный шар.

Конечно же у ограды столпилась группа репортеров, недовольных тем, что их не пускают ближе. Каждому, кто выходил из дома, они выкрикивали вопросы, требуя немедленного ответа.

Тем временем в доме Эве полицейские задавали вопросы, ее несколько раз просили рассказать обо всем, что случилось. От этого голова просто раскалывалась.

Ее агент, Рэджи Пит, также был в комнате – ему позвонил один из папарацци – с предложением защищать ее интересы. Но она смотрела только на Блэйка. Она была счастлива, что он оказался рядом.

– У вас есть знакомые, способные на такое или имеющие причины так с вами поступить? – спросил ее сержант Кен Биддл.

Полицейский выглядел старым, многое повидавшим. Блэйку не понравился этот вопрос, и он нахмурился – пару таких сержантов и майоров ему довелось знать. Но Блэйк успел почувствовать и страх Эвы. Почувствовать, как бешено колотится ее сердце.

– Вы хотите сказать, что возможна какая-либо причина, чтобы обстрелять чей-либо дом и напугать человека до смерти? – осведомился он.

Полицейский кинул на него равнодушный взгляд и снова посмотрел на Эву:

– Вы не получали странных писем?

Эва пожала плечами:

– Не больше обычного. Вся моя почта идет к Рэджи, и все подозрительное он передает вам.

Рэджи кивнул, подтверждая, что так и есть.

– Но ничего из ряда вон выходящего? – настаивал Кен.

Рэджи покачал головой:

– Нет.

– Я хотел бы увидеть их все.

Рэджи кивнул:

– Насколько я знаю, у вас есть целый файл о них.

– Простите, – вмешался назойливый врач скорой помощи. – Нам бы очень хотелось отвезти мисс Келли в больницу, чтобы сделать ей рентген головы и зашить рану на ее руке.

Полицейский кивнул, закрывая блокнот.

– Вам есть где пока пожить? Я бы не советовал вам возвращаться сюда, пока преступники не пойманы. Я надеюсь, мы быстро закроем дело, но до тех пор умнее всего вам будет залечь на дно.

Рэджи покачал головой:

– Это невозможно. У нее новый рекламный контракт. Съемки в Лос-Анджелесе через два дня. И еще у нее на следующей неделе полдюжины ток-шоу в США. Реклама новых духов.

Блэйк поверить не мог, что агент пренебрегает безопасностью клиента. Разве забота об Эве не главное? Но ветерана полиции это не смутило.

– Отмените их.

Рэджи, высокий худой мужчина с серыми вьющимися волосами и круглыми очками в металлической оправе, разинул рот, как выброшенная на берег рыба.

– Их нельзя просто отменить, сержант. Я найму ей команду охранников! – воскликнул Рэджи.

– Это, конечно, ваше право, – согласился полицейский. – Но мой вам совет, как я уже сказал, – залечь на дно. И тот же совет даст вам любой охранник, который не даром ест свой хлеб.

Блэйк решил, что Кен Биддл ему все же нравится. Он казался солидным человеком. Знавшим свое дело и не любившим дураков. А Рэджи явно дурак, каких мало.

Словно в подтверждение догадки, Рэджи раздраженно взглянул на полицейского, затем повернулся к Эве:

– Я закажу тебе номер в отеле, дорогая. И найму охрану, завтра же утром.

– Приятель, похоже, вы не слышали, что вам сейчас объяснили, – сказал Блэйк. – Сержант явно знает, о чем говорит. Ей необходимо ненадолго исчезнуть.

– Эва, милая, – не унимался Рэджи. – Я думаю, они делают из мухи слона.

Голова Эвы кружилась. Они обсуждали ее жизнь так, словно ее не было рядом. Рука ныла от боли, и неожиданно она почувствовала жуткую усталость. Ей вдруг просто захотелось прилечь где-нибудь и проспать неделю, забыв, что кто-то обстрелял ее дом. Ее прекрасный, дивный дом.

– Можно меня сначала отвезут в больницу и осмотрят? – перебила она их.

Это все, что требовалось врачу.

– Верно. Допрос окончен, – сказал он, вставая перед ней, и Эва за то, что он вмешался, готова была расцеловать его. – Мы отвезем ее в ближайшую больницу.

Рэджи покачал головой:

– Нет, у мисс Келли есть собственный врач на Харлей-стрит.

Врач фыркнул:

– Сейчас девять вечера. Мисс Келли срочно нужен рентген и, возможно, компьютерная томография. Ей нужно в больницу.

– Ближайшая подойдет, – сказала Эва, прежде чем Рэджи успел что-либо ответить.

Блэйк взглянул на часы. Он мог вернуться домой и начать свой отпуск в течение получаса. Он почти чувствовал вкус холодного пива, ждавшего его в холодильнике. Вот только Эва Келли уже не была той дивой, которой он считал ее прежде. Забота о ней не входила в его обязанности; он это знал. Он оказался не в то время и не в том месте. А она большая девочка, и, что бы она ни решила, его не касалось.

Однако он чувствовал, что хорошего совета от Рэджи она не дожидается.

– Я вам еще нужен, сержант? – спросил он.

Кен покачал головой:

– Я записал ваши данные на случай, если будут вопросы.

Вот и все. Его работа окончена. Но прежде чем Блэйк успел попрощаться, она схватила его за руку:

– Ты можешь поехать со мной?

Блэйк посмотрел на нее, не зная, что ответить. Какого?..

Он не ожидал, что она попросит его остаться теперь, когда ее окружали люди. И хотя часть его существа чувствовала ответственность за нее, с другой стороны, он не желал иметь ничего общего ни с Эвой Келли, ни с ее безумной, звездной жизнью.

Их общие дела завершились. Он был свободен. У него начинался отпуск. Но эти желто-зеленые глаза смотрели на него с мольбой, и он понял, что дурные предчувствия его не обманули. Он вздохнул:

– Конечно.

* * *

Блэйк вошел в больницу спустя полчаса. Он подождал, пока пресса устремится за голубыми огнями кареты скорой помощи, и сам поехал не торопясь. Машину он припарковал на одной из задних улиц, как можно дальше от центрального входа. Завидев издали вспышки фотокамер, обрадовался, что поступил именно так.

Достаточно того, что его щелкали каждый день, когда он приезжал к Эве, и спрашивали об их отношениях, хотя он просто делал у нее ремонт. Он не хотел, чтобы они вычислили его машину, умножили в уме два на два и поняли, что это пять.

Он вошел в больницу, справился в регистратуре, и охранник повел его к Эве. Следуя за ним по коридорам, Блэйк сжимал кулаки. Запах антисептиков вызывал множество неприятных воспоминаний.

Они остановились у закрытой двери, возле которой дежурили еще два охранника. Они открыли ему дверь, и первым делом Блэйк увидел Рэджи, говорившего с парнем в белой

одежде. Рэджи требовал, чтобы к зашиванию руки его драгоценной клиентки привлекли пластического хирурга.

– Эта рука... – вещал он, указывая на упомянутую конечность, – стоит огромных денег! И я не позволю какому-то врачу-практиканту шинковать ее еще больше!

Врач поднял руки, давая понять что сдастся:

– Я передам сообщение дежурной команде специалистов.

– Мне нужен консультант, – настаивал Рэджи. – Кто-нибудь, способный контролировать их действия.

Блэйк глянул на врача перед тем, как тот выскользнул из комнаты. Он явно сожалел, что пришел на работу. Теперь начинало казаться, что самой большой дивой на самом деле был Рэджи. Его удивляло, что Эва с этим мирится. За три месяца Блэйк стал свидетелем того, как она уволила дизайнера интерьеров, личного врача и персонального тренера за то, что все они пытались навязывать ей свое мнение. Но сейчас Эва покорно лежала на каталке, передав Рэджи бразды правления. Она подняла глаза и увидела Блэйка.

– Ой, привет! – сказала она, приподнявшись и сев.

Все время, пока она лежала в камере компьютерного томографа, ее не оставляло чувство тревоги. Доктор заверил, что все образуется, но только сейчас она почувствовала, что все действительно будет хорошо. Она не переставая думала о том, как Блэйк толкнул ее на пол. Он просто вовремя отреагировал. За долю секунды. Она пыталась понять, что происходит, а он уже кинулся на нее, и она очутилась на полу прежде, чем поняла, что звучат выстрелы.

– Я думала, ты меня бросил.

Он едва заметно улыбнулся ей в ответ. Эта улыбка почти не изменила линии его рта. Эва подумала, как бы смотрелась на его лице настоящая улыбка. Улыбались бы его глаза? Сильно бы изменилось его суровое лицо? Разгладились бы морщины?

– Я же сказал, что приду.

Она не ответила. Говорил он тоже мало, как и улыбался.

– Тебя обследовали? Все в порядке? – спросил он пару секунд спустя.

Голос его звучал мрачно. Очевидно не желая беседовать при посторонних, он взглянул на Рэджи, болтавшего по мобильнику. Эва, напротив, так привыкла к Рэджи, что едва его замечала.

– Томографию сделали. Осложнений нет, – сказала она. – Ждем пластического хирурга, чтобы зашил руку.

Он кивнул, и она ждала, что он как-то ответит, но он молчал. Кроме того, Рэджи как раз окончил разговор и обратился к ней.

– Я заказал твой обычный номер, – сказал он. – Завтра же тебе принесут чемодан.

Эва заметила, как Блэйк стиснул зубы.

– Я полагал, что залечь на дно означает не посещать ее обычных мест пребывания, – произнес он.

Жесткость в его голосе заставила Эву вздрогнуть. В хорошем смысле. Блэйк Уокер был красивым мужчиной. Не как метросексуалы с дорогими стрижками, которых она привыкла видеть. Он выглядел жестким мужчиной, умеющим делать абсолютно все, и неплохо бы смотрелся с поясом для инструментов. То, что Блэйк Уокер либо не знал этого, либо знать не хотел, только прибавляло ему обаяния.

То же, что этот жесткий мастер на все руки беспокоился за нее, делало его привлекательным донельзя. Уже давно никто не давал ей почувствовать, что она важнее бренда. Ее мать сбежала, когда ей было семнадцать, оставив ее наедине с миром взрослых.

Конечно, она боролась, и это делало ее сильнее и тверже – по-другому в ее мире выжить нельзя. Но сегодня ей не нужно быть сильной, потому что рядом Блэйк.

– У них превосходная охрана! – ощерился Рэджи. – Эве там ничто не будет угрожать.

Блэйк фыркнул, не веря своим ушам.

– Вы уже отменили ее поездки?

Рэджи снял очки:

– Мы посмотрим, как все сложится.

– Знаете, в армии нас учили не мелькать перед носом врага, потому что это опасно. Я думаю, вам следует воспользоваться советом полицейского и спрятать ее.

– Если бы из-за всякого уroda, который писал ей письма с угрозами, Эва прекращала работать, она в жизни не сделала бы карьеры.

– К сожалению, этот урод поставил свою подпись на фасаде ее дома автоматной очередью, так что на данный момент приоритетом должна быть ее безопасность, а не карьера.

Эва не могла не согласиться. Этот вечер все еще казался ей кошмарным сном. Она всегда слушала советы Рэджи – он работал с ней уже много лет. Но теперь ей хотелось прислушаться к человеку, который повалил ее на пол, спасая ей жизнь. Который считал приоритетом ее безопасность. Рэджи там не было. Он не понимал, какой ужас ей довелось пережить.

– Я много лет знаю Эву, мистер Уокер, – сказал Рэджи. – Намного дольше, чем вы. И она намного сильнее, чем вы думаете. Она с этим справится. Не сомневайтесь.

– Он прав, Рэджи, – сказала она, прервав затянувшееся молчание. Может, она и сильная, но не пошла бы одна посреди ночи в подвал проверять, что там загремело. Потому что это глупо. А она сделала карьеру, много лет оставалась на пике славы, в том числе и потому, что глупостей старалась не делать. Сила заключалась и в том, чтобы знать свои возможности. И уметь принимать помощь.

Хорошенько выспавшись, она, может, и могла бы решиться на что-то иное и быть смелее, но этой ночью ей просто хотелось чувствовать себя защищенной.

– Я очень напугана, – продолжила Эва. – Я думаю, лучшее, что я могу сделать, – это послушать совета полиции. По крайней мере, сегодня.

– Ну и куда же ты отправишься, Эва? – осведомился Рэджи. – Вернуться домой ты не можешь, а все твои лондонские знакомые такие же знаменитости, как ты.

Эве даже задуматься не пришлось, чтобы ответить.

– Я могла бы поехать к Блэйку.

Глава 3

Блэйк уставился на Эву:

– Что? Нет!

Он бы скорее ампутировал вторую ногу, чем пригласил Эву Келли к себе в дом.

– Только на одну ночь, – сказала она.

Блэйк покачал головой:

– Нет.

Внешне она казалась в порядке, но он уже спрашивал себя, не повредилась ли она умом из-за удара об пол. У него уже начался отпуск, черт возьми!

Рэджи – благослови его Господь – изумленно вытаращился на свою клиентку.

– Об этом и речи быть не может! – вспыхнул он. – Ты ничего не знаешь об этом человеке!

Блэйк смотрел на Эву. Она поджала губы и бросила на агента полный нетерпения взгляд.

– Этого человека... – она указала на Блэйка, – я видела почти каждый день в течение последних трех месяцев. Это самые долгие мои отношения с мужчиной, если не считать тебя, Рэджи. Этот человек... – снова указала она на Блэйка, – бросил меня на пол и закрывал своим телом, пока какой-то маньяк поливал мой дом градом пуль.

– И благодаря ему у тебя порезано лицо, руку надо зашивать, а на затылке шишка размером с грейпфрут!

Блэйку так и хотелось сказать «не стоит благодарности», но он сдержался. Он не ждал благодарности или похвалы за то, что спас ее. Военная сноровка дала о себе знать, и он сделал то, что сделал бы любой хороший солдат. Эва протянула руку, и Рэджи взял ее.

– Я была напугана, Рэджи. Я окаменела от ужаса. Я дышать не могла – так мне было страшно. – В последний раз подобный ужас она испытывала, когда сбежала ее мать. Дни напролет. – С ним я чувствую себя в безопасности. И это только на одну ночь.

Рэджи, казалось, призадумался, и Блэйк задался вопросом, видят ли они его.

– Хм. Прошу прощения, – вмешался он. – Не знаю, слышали ли вы меня, но я сказал «нет».

– Вы же сами говорили, что ей нужно где-то переждать, – заметил Рэджи, явно переметнувшись на сторону своей клиентки. – Говорили, что ей нельзя появляться в привычных местах.

Блэйк ушам своим не мог поверить. Они оба смотрели на него так, будто вопрос был решен. Будто его возражения поблекли перед лицом великих потребностей мисс Келли.

– Я имел в виду носить парик, солнечные очки, мешковатую одежду, чтобы казаться полнее. И снять номер в дешевой гостинице, под чужим именем!

– Прошу тебя, – сказала Эва, и мольба в ее голосе не могла его не тронуть. – С тобой мне спокойно.

– Ей с вами спокойно, – повторил Рэджи, также глядя на Блэйка и держа руки в карманах.

Блэйк закрыл глаза и покачал головой:

– Нет.

Открыв глаза, он увидел, что оба они смотрят на него так, словно он отказал в приюте беременной женщине верхом на осле.

– Господи боже мой! – воскликнул он. – А вдруг я живу в подвале?!

Эва пожала плечами:

– Мне все равно.

Блэйк фыркнул:

– Ну конечно. Известная на весь мир супермодель, настоявшая на смесителях за четыре тысячи фунтов, готова перебраться в трущобы.

Она снова пожала плечами:

– На одну ночь могу и перебраться.

Взор Блэйка был прикован к ее рту. К тому, как она выговаривала каждое слово. Ее губы, как и слова, были просто... идеальны. Как две маленькие подушечки – мягкие, розовые, с безупречным изгибом. Но каким-то образом даже им удавалось выглядеть самодовольными, холодными и загадочными. Как будто их ни разу не касались. Ни разу не целовали. По крайней мере, так, как нужно. Так, чтобы форма этого ротика стала другой. Если она действительно хотела в трущобы, он бы с радостью поработал над формой ее губ.

Кровь его на миг закипела, но он заставил себя остыть. Женщины вроде Эвы Келли никогда не хотят в трущобы – им это может казаться, но это не так. И он здесь не ради этого. Он заключил с Эвой контракт по ремонту особняка, и ничего больше. На этом все.

– У меня отпуск, – невозмутимо произнес он.

Но Эва сдаваться явно не собиралась. Она смотрела на него так, словно пыталась понять, сколько он стоит. И ему это не нравилось. Нисколько.

– Миллион фунтов, – сказала она.

Блэйк поморгал, не сразу поверив в услышанное. Она и правда думала о деньгах?

– Прошу прощения?

– Я дам тебе миллион фунтов, который нужен твоей сестре.

– Эва! – воскликнул Рэджи.

Блэйк же лишь недоверчиво ухмыльнулся:

– Что?

Эва закатила глаза:

– Все просто. У меня был очень скверный вечер, и мне беспокойно. Я не люблю, когда мне беспокойно. – Это слишком сильно напоминало ей о том времени, когда ее бросила мать, и ей не хотелось проходить все заново. – Но рядом с тобой мне спокойно. И я нутром чую, что это что-то да значит. Мне удалось выжить в индустрии моды благодаря чутью. Ну, так что скажешь? Берешь деньги или нет?

– Эва, – воззвал Рэджи.

– Расслабься, – ответила Эва. – Это на благотворительность. Спишут с налогов.

– Вот как... Ну, тогда ладно.

Блэйк покачал головой, и если раньше закипала лишь его кровь, то теперь он весь готов был взорваться от ярости.

– Нет, – ответил он сквозь зубы. – Не ладно. Ты думаешь, можно просто покупать людей? Кидаться деньгами и получать, что тебе нужно?

Она снова пожала плечами, самодовольно и равнодушно, и ему захотелось встряхнуть ее за плечи.

– У каждого своя цена, Блэйк. И в этом нет ничего зазорного. Так мы оба получаем то, чего хотим.

Блэйк провел рукой по коротко стриженным волосам. Джоанна называла их светлорусыми и пыталась заставить его отрастить их подлиннее теперь, когда он уже не в армии. Но старые привычки не умирают.

Джоанна. Которую он однажды уже подвел. Он сказал Чарли, что подумает над тем, как помочь их сестре и благотворительному фонду, который значил для нее так много. Для них для всех. И вот возможность представилась. Сам дьявол преподнес ее на серебряном блюде. В лице длинноногой супермодели. Очень стервозной супермодели.

– Ты даже не знаешь, что это за фонд, – огрызнулся Блэйк также зло, хоть и понимая, что разумнее всего принять предложение.

– Вообще-то знаю, – возразила она. – Заглянула в Интернет после нашего разговора. Это благотворительный фонд помощи нашим солдатам и их семьям. А это ведь хорошо для имиджа, правда, Рэджи?

Рэджи кивнул:

– Идеально.

Блэйк достаточно повидал сражений и точно знал, когда проигрывает. Также он знал, что должен поступить благородно и приютить ее безвозмездно. Но ему не нравилось, как она манипулирует людьми, но если она не моргнув глазом предлагала миллион, значит, могла себе это позволить.

Тем не менее все это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Вот так все просто? – уточнил он. – Проводишь у меня ночь и даешь миллион фонду Джоанны?

Мог же он одну ночь потерпеть в своем доме капризную диву за миллион фунтов!

– Да, именно так.

Часть его – та, что была более прагматичной – кричала, чтобы он взял эти деньги, но другая, более осторожная, била по рукам.

– Знаешь, тысячи мужчин что угодно бы отдали, лишь бы я у них переночевала.

Из-под челки она бросила на него застенчивый взгляд. Блэйк увидел, как приподнялся уголок ее губ. Услышал, как голос ее превратился в легкий манящий шепот. Он не хотел, чтобы этот ротик оказался в его доме. Но от миллиона фунтов отказаться трудно.

– Хорошо, – вздохнул он. – Но утром я уезжаю в отпуск, и тебе придется уйти.

– Конечно, – усмехнулась она. – Обещаю, ты меня даже не заметишь.

Блэйк недовольно рыкнул. Его внутренний радар сходил с ума. Он сомневался, что не заметит ее.

* * *

– Ты что, живешь здесь?

Эва смотрела на жилье Блэйка, плавно покачивающееся на воде канала. Они выскользнули из больницы через служебный вход, после того как ей на руку наложили четыре аккуратных шва. Он даже Рэджи отказался сообщить свое место жительства, а она была слишком вымотана, чтобы возражать, и тем не менее такого она ожидать не могла. Если бы этим утром кто-то сказал ей, что ночевать она будет на Риджентс-канале, в «Маленькой Венеции», она бы умерла со смеху.

– Хотела ведь в трущобы.

Эва смотрела на темный, загадочный профиль судна.

– Люди правда живут на таких посудинах?

– Представь себе, да.

Эва поняла вдруг, что более безопасного места и придумать нельзя. Никому из ее знакомых не пришло бы в голову искать ее здесь. И все же... Она привыкла к пятизвездочной роскоши. И хотя могла временно обойтись без смесителей за четыре тысячи, но нуждалась в элементарной сантехнике.

– Прошу тебя, скажи, что у тебя есть туалет со спуском и душ с горячей водой.

– Уже скучаешь по своей гостинице?

Эва чувствовала дикую усталость. Время перевалило за полночь. В нее стреляли, допрашивали полицейские, словно она сама в чем-то провинилась, а затем долго осматривали и ощупывали все имевшиеся в больнице врачи. Она не нуждалась в его шутках и суждениях. Да, она подкупила его. Да, она привыкла к своей роскоши. Но в конце-то концов – она просто хотела постоять под горячим душем, чтобы смыть с себя весь ужас и шок прошедшего вечера.

Почему он не мог вести себя как все прочие идиоты, готовые сидеть перед ней с открытым ртом? Но нет! Ее рыцарю в сияющих доспехах плевать было на то, что, по версии одного из ведущих журналов о жизни знаменитостей, она считалась одной из самых красивых женщин десятилетия!

Ей надоело мириться с его самодовольным безразличием. Он получит миллион фунтов и право хвастаться в пабе о том, как Эва Келли ночевала в его доме, додумывая любые детали, – ей плевать.

Ей казалось, что она вот-вот упадет и съжится в комок. Адреналин покидал ее, уступая место изнеможению. Она просто нуждалась во временном пристанище.

Ну и что, что он не любил ее? Он тоже отнюдь не являлся самым любимым человеком, если, конечно, забыть о том, что он ее спас. В жизни всякое бывает.

– Послушай, ты злишься, и я это понимаю. Я помешала твоим планам. Но у тебя преимущество, потому что в тебя раньше стреляли. Уверена, ты к этому привык и для тебя это всего лишь будни. В меня же, напротив, никогда не стреляли – только щелкали из фотоаппаратов. Я обещаю, что смоюсь утром, но до тех пор мог бы ты хоть ненадолго забыть о своем гоноре и показать мне, где у тебя можно принять горячий душ?

Несколько секунд он ничего не говорил – свет фонарей падал на его лицо, и она видела, как он стиснул зубы.

– К тому, что в тебя стреляют, не привыкнешь никогда, – ответил он.

Эва оторопела. Его слова выскользнули и растворились в ночи с невероятной легкостью, при том, какой напряженный подтекст они в себе несли. Неожиданно было слышать такое от человека, который выглядел так, словно мог ловить пули зубами. Ей впервые пришло в голову, что, возможно, инцидент со стрельбой произвел на него куда больший эффект, чем она думала. Однако внешне он так не выглядел. И говорить об этом явно не хотел.

Хотела она. Как никогда прежде. Она вдруг почувствовала, что ей нужно поговорить о том, что случилось, так, словно от этого зависела ее жизнь.

Доклад – кажется, так это называли в армии?

– Тебе было страшно? – осторожно спросила она, чувствуя, что ее голос становится тихим и сипловатым.

Он не ответил, и она лишь медленно кивнула, чувствуя себя глупо оттого, что допустила мысль, будто несколько очередей способны выбить его из колеи. Чарли говорил ей, что Блэйк служил в горячих точках. Наверняка их обстреливали каждый день.

– Прости, глупый вопрос.

Молчание затянулось, и она собиралась было сказать что-то еще, как вдруг он ответил:

– Нет, не глупый.

Эва затаила дыхание.

– Любой человек, утверждающий, что не боится, когда в него стреляют, врет.

Она не сводила с него глаз. Если так он выглядел, когда ему страшно, какой же опасности его нужно подвергнуть, чтобы он действительно выглядел испуганным? А может, он просто не способен испытывать сильные эмоции. Если нет, то не является ли такая реакция сигналом тревоги?

– Но ты вел себя так... – она запнулась, подбирая нужное слово, – спокойно!

Он коротко усмехнулся, и лишь глухой не уловил бы горечи в этом смешке.

– Уверен, мой сержант, который натаскивал меня дни напролет, был бы рад это услышать.

Он пытался иронизировать, но ей было не до смеха.

– Я думала, что погибну, – прошептала она.

Глядя на нее, он опустил глаза.

– Но не погибла, – сказал он.

Его слова казались ей нежными, а не шуточными, как его предыдущее замечание.

– Благодаря тебе, – пробормотала она.

Их взгляды встретились и застыли. На берегу канала было тихо, и она осознала вдруг, что они стоят близко друг к другу. Достаточно близко, чтобы чувствовать, будто они единственные люди на планете после того, через что им вместе довелось пройти. Почувствовать себя единым целым. Она ожидала, что он бросит какую-нибудь отвлеченную реплику о том, что у ее дома крепкие стены, или о том, что стрелок был плохой. Он выглядел так, словно хотел ей что-то сказать.

Но в итоге, очевидно, раздумал и повернулся к своей лодке. Она смотрела, как он взошел на носовую часть судна, затем принялся открывать дверцу и вдруг поднял взгляд на нее.

– Ты не раздумала принимать душ?

* * *

Холодильник был пуст, не считая упаковки из шести бутылок пива, и Блэйк с радостью взял одну из них, в то время как из душа едва слышно доносился шум воды. Он развалился в кожаном кресле с подлокотниками, вытянув перед собой ноги и покручиваясь на сиденье из стороны в сторону. Он не станет думать о том, что голая Эва Келли сейчас находится в его душевой. Он просто выпьет свое пиво, обдумает план на завтрашний день и заберется в постель. Если точнее, завалится на кушетку. Не на свою, большую, удобную кровать-сани, королевского размера, которую он создал своими руками – чтобы забыть песок, и жару, и боль, и все, что осталось в прошлом, специально подогнав ее под размер лодки, которую тоже восстановил сам. Он не позволил бы гостю – тем более гостье – проводить ночь на кушетке. Пусть даже очень широкой, длинной и удобной. Особенно учитывая тот факт, что Эва отстегивает миллион фунтов за эту сомнительную привилегию. Одну ночь он мог и потесниться. За миллион фунтов он готов и на большие жертвы.

Он что – стал продажной девкой? Длинноногая блондинка с диким взглядом, кучей денег и маньяком, пожелавшим ее прикончить, сделала ему предложение, от которого он не смог отказаться? А потому лег на спинку быстрее щенка, умоляющего почесать ему брюшко.

Он сделал глоток пива, набирая телефон брата.

– Уже первый час, – зевнул Чарли и наконец ответил: – Кто-нибудь умирает?

– Разве что я, – фыркнул Блэйк. Затем он посвятил брата в события прошедшего вечера, заодно сообщив ему, где именно за больницей находится оставленная им машина.

Чарли мигом проснулся и тут же, убедившись, что никто не пострадал, нашел над чем подшутить:

– Что в тебе такого, что всем людям хочется в тебя выстрелить? Богом клянусь, братец, только ты мог оказаться в подобной ситуации!

– О, это еще не все, – продолжил Блэйк и поведал брату о том, как одна из самых прекрасных женщин мира временно стала его сожительницей.

– Позволь-ка мне еще раз все уточнить. Она дает тебе, вернее Джоанне, миллион фунтов за право у тебя переночевать?

Блэйк пожал плечами:

– В общем, да.

Чарли рассмеялся, и Блэйк нахмурился, неожиданно рассердившись на весь мир:

– Что в этом смешного?

– Звучит как сюжет фильма, на который меня когда-то, давно, таскала подружка. С Робертом Рэдфордом и Дэми Мур.

Блэйк закатил глаза:

– Ей не нужны интимные услуги, жалкий ты извращенец. Она напугана. Хочет чувствовать себя в безопасности этой ночью. Ненадолго скрыться от посторонних глаз, вот и все.

– То есть вы не собираетесь переспать?

Ответ слетел с губ Блэйка прежде, чем он это осознал.

– Я бы не стал с ней спать, даже будь мы последними людьми на земле.

Блэйк почувствовал, как на другом конце провода его брат улыбнулся.

– Почему нет? Я бы переспал, притом что счастливо женат уже десять лет.

Блэйк знал, что его брат не переспал бы с Эвой Келли раньше, чем он сам, – он был так же без ума от Труды теперь, как и десять лет назад.

– Ну-ну, рассказывай.

– И все же, – продолжал Чарли. – Гипотетически. Ты должен признать, что в бикини она выглядит превосходно.

– Она отвратительная, высокомерная примадонна, которая доставила нам уйму головной боли своими пятизвездочными капризами, – сказал Блэйк, понизив голос. – И мне плевать, как хороша она в бикини.

– Может, и зря. – Голос Чарли вдруг зазвучал серьезно. – Иногда нужно давать слабину, Блэйк. Быть красивой, богатой и упрямой – это не преступление. Не забывай – такова уж часть общества.

Блэйк недовольно поерзал в кресле. Слишком много он видел нищеты и отчаяния за те десять лет, что служил своей стране. Он чувствовал бы, что продает себя с потрохами, признай, что заинтересовался женщиной из общества фривольности и пустого блеска. Общества, понятия не имеющего о том, как живет другим людям. Но он слишком устал, чтобы вести подобные дискуссии.

– Она здесь всего на одну ночь. И может, ты забыл, но она клиентка.

Его брат фыркнул:

– Уже нет. Так что тебе вполне допустимо... как бы это выразиться... сыграть за всю команду. Когда ты в последний раз был с женщиной?

Блэйк покачал головой, не желая и начинать эту тему. То, что он не проводил каждую ночь с готовой на близость женщиной, не означало, что он вот-вот умрет от спермоудара, как предсказывал ему Чарли. Каждый день он работал на износ и каждый вечер возвращался в жилище, созданное им самим и далекое от ада, который он видел в других странах. А это значило немало в наше время. Куда больше, чем дешевый одноразовый секс.

Кроме того, Эва Келли была птицей не его полета и с тем же успехом могла бы сидеть на Луне. Если ему требовался секс, он мог получить его в любой момент. Но он не нуждался в отношениях с женщиной, которая доставала его почти с первого дня их знакомства. И плевать на то, что между ними, возможно, проскользнула некая вибрация.

– Труды уже спит? – осведомился Блэйк. – Ну, знаешь... Твоя жена. Ярая феминистка. Та, что нравится мне куда больше, чем ты. Твои советы вызвали бы у нее отвращение.

– Она тоже считает, что тебе нужно найти женщину. Таковую, чтобы веревки из тебя вила, и ты бы еще добавки просил.

Блэйк надолго замолчал.

– Она в беде, Чарли, – сказал он, разглядывая горлышко бутылки. – Ей просто нужна безопасность.

Теперь на несколько секунд замолк Чарли.

– В таком случае она под защитой одного из лучших рыцарей ее величества.

– Нет, – ответил Блэйк. – Я лишь строитель. Ты забыл? И у меня начался отпуск. Не прилепи она к себе ценник на миллион, я бы повернулся и ушел.

Чарли рассмеялся, а Блэйк почувствовал, что его раздражение вот-вот достигнет новых высот.

– Если так тебе легче провести ночь с Эвой Келли в соседней комнате, можешь себе это твердить.

В голосе его брата звучало неприкрытое самодовольство, и Блэйк фыркнул:

– Ненавижу тебя.

– Ну-ну. Позвони мне утром, перед тем, как отчалишь. Я хочу узнать все детали.

Блэйк поморщился:

– Ну, все, считай, нарвался! Я расскажу Труди, какой ты похотливый мерзавец!

Чарли прыснул со смеху:

– Ты издеваешься? Да она захочет узнать все поминутно! Она же влюблена в Эву Келли!

Блэйк вздохнул, завидуя простым и искренним отношениям брата с женой.

– Пусть приезжает и станет ее подружкой.

Чарли загоготал:

– Только если мне позволят смотреть!

Блэйк покачал головой:

– Спокойной ночи.

– Тебе тоже, – сказал Чарли, и Блэйк почувствовал, как брата прошибает смех. – Не делай ничего, что не сделал бы я.

Блэйк повесил трубку, не затрудняясь с ответом. Никаких действий он не планировал. Он хотел, чтобы эта ночь поскорее закончилась. И чтобы она покинула его дом. Он не желал иметь никаких дел с Эвой Келли.

Блэйк поднял бутылку, опрокинув в себя остатки пива. Задался вопросом, не открыть ли еще одну, но тут душ перестал шуметь, и он кое о чем вспомнил.

Нужно было сменить постельное белье на кровати. И покинуть спальню прежде, чем она выйдет.

Пять минут спустя, сменив одеяло и взявшись за подушку, чтобы сменить наволочку, он почувствовал, что Эва смотрит на него. Он оглянулся. Она стояла на пороге, облокотившись о дверной косяк.

– Ты не должен уступать мне свою кровать, – сказала она, и улыбка самого измотанного в мире человека коснулась уголков ее рта. – Правда. Сгодится любая горизонтальная поверхность.

Он одолжил ей старую рубашку и большие хлопчатобумажные шорты. На нем его вещи никогда так хорошо не смотрелись. Рубашка сползала с одного плеча, облегалась ее маленькую, аккуратную грудь и прикрывала Эву чуть ниже пояса. Шнурок его огромных спортивных шорт был затянут до упора, затем еще пару раз перекручен и в итоге свисал с ее бедер подобно якорю. Он разглядывал ее ноги. Не те цыплячи, что он иногда видел в новостях, когда показывали тощих моделей на подиуме, а гибкие и стройные, покрытые золотистым загаром. В последние три месяца он старался на них не смотреть, но не смотреть теперь было сложно, когда она стояла в дверях его спальни.

Он поднял глаза. Ее влажные волосы выглядели так, словно она пригладила их руками. Ее лицо было идеально чистым, и веснушки казались ярче, чем прежде. Щеки порозовели от горячей воды, а крохотный порез напоминал, почему она здесь.

Она вполне могла бы сойти за какую-нибудь соседскую девчонку, но даже в потрепанной рубашке и мешковатых шортах, даже со слипающимися от усталости глазами ей удавалось выглядеть надменной. «Нужно было выпить второе пиво», – подумал Блэйк.

– Как голова? – спросил он, снимая с подушки старую наволочку.

– Ноет, – ответила Эва, приблизившись к противоположной стороне кровати. Взяв вторую подушку, она сняла с нее наволочку. Довольно ловко, несмотря на перебинтованную руку.

Блэйк едва подавил в себе желание сказать ей, что справится сам. Он не желал видеть ее в своей спальне. По крайней мере, пока не вышел он сам. Все выглядело слишком уж домашнему. Слишком нормально. И это после того, как всего несколько часов назад в них стреляли. Кровать была огромной и пустой. Достаточно большой для двоих.

– Ты приняла таблетки, которые тебе дал врач?

Она кивнула:

– Только что.

Затем она зевнула, и рубашка сместилась немного вверх. Он упорно смотрел ей в лицо.

– Прости. Я так устала, что еле на ногах стою.

Блэйк доподлинно знал, как шок и выброс адреналина могли измотать человека. Он бросил на кровать подушку и отогнул одеяло.

– Ложись. И спи. – «Скоро наступит утро, и ты уйдешь». – Утром тебе станет легче.

Она снова улыбнулась ему, бросив на кровать вторую подушку.

– Тяжелее мне еще не приходилось, – сказала она, забираясь на кровать. Она прошептывала к центру ложа на четвереньках.

Блэйк не взглянул на то, как задралась рубашка, открывая превосходный вид на ее живот вплоть до пупка.

– Спокойной ночи, – сказал Блэйк.

Она не ответила, и на миг он замер, изумленный тем, как молодо она выглядит. Впервые она казалась не высокомерной, а скромной и уставшей. И вполне доступной.

Кому могло понадобиться ее убить? Может, ее просто напугать хотели? И в этом случае им это удалось, и еще как. Разрази его гром, если он будет анализировать странные ощущения или позволит предательским импульсам собственного тела взять верх над его разумом.

Он направился к двери, думая о длине ее ног.

«Не оглядывайся».

Блэйк сдерживал каждый свой мускул, чтобы не обернуться и не взглянуть на нее. Он не хотел запечатлеть в памяти то, как она смотрит на него сонными глазами, лежа на его кровати.

Глава 4

Утром Эву разбудил ее телефон, и сначала она не поняла, где находится. Который час? Какой день? Голова слегка кружилась, а глаза слипались. Мелодия ее телефона, звучавшая где-то в отдалении, не помогала ничуть. Ее мозг осознал, что нужно взять трубку, но тело, похоже, не стремилось выполнять его команды.

Затем Блэйк вошел в комнату с обнаженным торсом, и воспоминания тут же обрушились на нее с новой силой. Выстрелы, полицейские, больница... «Маленькая Венеция». Небольшой корабль. Большая, большая кровать.

Его волосы были влажными, будто он только что принял душ. И еще у него росли волосы на груди. Не как у гориллы, а подобно тонкому темному мху. Она смотрела на его грудь по мере того, как он приближался к ней. В кругах, где она вращалась, мужчины были подтянутыми, каждый мускул на их телах выделялся, а каждый волос удален путем эпиляции. Блэйк, напротив, не походил на человека, когда-либо видевшего салон красоты изнутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.